

*Назарова Евгения
(Москва)*

УКРАИНСКИЕ СКАЗКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (60-70-е гг. XIX в.)

Проблема взаимоотношения наций становится важной частью внутренней политики большинства государств современного мира, поскольку многонациональные страны теперь – скорее исключение, чем правило. Нерешенность этой проблемы в разных ее аспектах (языковом, конфессиональном и т. п.), обостряет социальные противоречия в обществе.

Необходимость выработки принципов национального консенсуса в государствах XXI в. побуждает историков к более тщательным исследованиям межнациональных отношений и национальной политики в империях прошлых веков.

Изучение национальной политики в Российской империи, в том числе тех ее вопросов, которые связаны со сферами применения титульного и местных языков в административных институтах, в образовании, в обществе, активизировалось в последнее десятилетие в разных странах постсоветского пространства. Особенное внимание историки уделяют западным регионам Российской империи, коренное население которых – эстонцы, латыши, литовцы, украинцы, белорусы – в XIX в. Находились в процессе национально-культурного возрождения; у них шло быстрое совершенствование национальной письменности, увеличивался словарный запас языков местных народов, развивалась письменная литература на родном языке. Формировался слой национальной интеллигенции/интеллектуалов, представители которого формулировали требования в области правового равенства народов империи. В этих этнических районах стремление имперского центра к языковой унификации – не только в административных структурах (что было вполне оправдано для общения и с Петербургом и с другими регионами государства), но и в сфере школьного образования – вызывало сопротивление (пассивное и активное), приводило к политической нестабильности¹. Последствия подобных конфликтов могли быть весьма неприятны для империи, тем более, что постоянно во «взрывоопасном состоянии» находился «польский вопрос».

О том, каким образом власти пытались проводить национальную политику в области образования, видно из документов Министерства Народного просвещения. С середины XIX в. потребности научно-технического прогресса и развитие промышленности в мире потребовали и от Российской империи определенных шагов в преодолении отставания от развитых стран. Отмена крепостного права открыла возможности для создания системы народного (низшего) образования в масштабах всего государства. При этом встал вопрос о языке обучения в национальных районах. Было очевидно, что ввести обучение по-русски в Прибалтийских и литовских губерниях невозможно из-за незнания титульного языка детьми коренных народов. Тем не менее, учить по-русски начали в белорусских и украинских районах исходя из того, что данные языки – не самостоятельные, а наречия великорусского языка, использовавшиеся представителями низших сословий². Однако на деле оказалось, что белорусские и украинские дети также не готовы учиться по-русски. На необходимость уточнения

требований языку обучения в народных школах повлияло и польско-литовского восстание 1863–1864 гг.

«Положение о народных училищах» было утверждено 14 июля 1864 г. В нем не только устанавливались основные принципы обучения в народных школах, но указывалось на необходимость корректировки уже применявшихся программ в учебных заведениях национальных окраин империи. В частности подчеркивалось, что «в губерниях, как например, Белорусских и Малороссийских, где русский, то есть, великорусский язык, не есть местный, учебный курс не удовлетворяет потребностям, потому что учение начинается и заканчивается на русском языке, непонятном для детей, а язык местных совсем исключается»³.

Обратим внимание на текст документа, по форме изложения не характерный для государственного указа. Так, вместо обычного в таких случаях руководства к действию ставится вопрос и излагается ответ на него, будто бы разработчики «Положения» хотят обстоятельно довести до сведения общества предлагаемую ими программу: «Нужно ли везде ставить непременно условием обучение на русском языке или необходимо допускать местные языки?»⁴. Не исключено, что это было связано с популярными в русском обществе идеями объединения всех славян (кроме поляков Царства Польского) под эгидой Российской империи. Внимание к таким идеям усилилось после восстания 1863–1864 гг. В рамках славянских программ, помимо финансовой помощи славянским народам в борьбе за независимость от Австро-Венгерской империи, проводилась и пропаганда среди них идеи о переходе их с родных языков на русский во всех сферах жизни. Так что в конечном итоге в едином славянском государстве должен был быть один язык – русский⁵.

Действия российских подданных в поддержку борьбы славян вызывали у царских властей негативную реакцию из-за нежелания вступать в конфронтацию с Австро-Венгерской империей. Однако создавались условия для привлечения представителей славянских народов на работу и учебу в России. Так, уже в декабре 1865 г. по представлению доклада священника церкви посольства Российской империи в Вене был утвержден указ о привлечении на работу в русские гимназии учителей из славян Австро-Венгрии для преподавания древних языков⁶. С конца 60-х гг. славянам с территории Австро-Венгерской империи предоставлялись специальные государственные стипендии для обучения в российских университетах с правом последующей постоянной работы в России. Большинство из таких стипендиатов принимали российское подданство и православие, если до того были католиками или униатами⁷.

При подобных настроениях в стране отказ от обучения на русском языке «своих» славян – в украинских и белорусских школах – мог быть неадекватно воспринят русской общественностью, в том числе, такими влиятельными печатными органами как «Московские ведомости», а также другими газетами славянофильской ориентации.

Далее в «Положении о народных училищах» излагается мнение о том, как следует относиться к языку преподавания в разных регионах страны. Подчеркивается, что из соображения целесообразности необходимо постепенно переходить «с местных на русское наречие в объяснении предметов» в тех районах, где «языки близки к великорусскому». «Казалось бы естественно требовать, чтобы все жители империи знали господствующий язык – русский, но такое требование не возможно постановить в отношении ко всем инородцам, живущим в местностях, где русский язык вовсе не употребляется...»⁸. Здесь имелись в виду Остзейские империи, в которых русский язык в народных школах как предмет не преподавался до конца 60-начала 70-х гг. (исключение составляли школы при православных приходах)⁹. Так что постепенный перевод преподавания на русский язык

подразумевался в «Положении» именно для обучения в украинских и белорусских школах.

Сколько времени было необходимо на то, чтобы полностью подготовить украинских и белорусских детей к преподаванию им всех предметов по-русски, в «Положении» не говорится. Однако источники указывают на то, что уже в первой половине 70-х гг. органы народного образования ограничивали и даже запрещали деятельность народных учителей по приданию таким школам облика действительно национальных по содержанию программ. Характерен в этом отношении документ, присланный в Московский Учебный округ из Департамента Разряда общих дел Министерства Народного Просвещения от 11 января 1875 г. за № 379.

В циркуляре перечислены несколько случаев отстранения учителей от должности с запретом на дальнейшую работу в учебных заведениях. По одному случаю приводится следующая информация:

«Учитель Городищенского 2-х классного приходского училища при сахарном заводе Яхненко и Симиренко Черкасского уезда Киевской губернии Михаил Лободовский устранен от этой должности, так как при ревизии училища инспектором народных училищ обнаружено, что Лободовский заставлял учеников упражняться в письме песен и сказок на малороссийском языке и переводил с ними в классе на малороссийском языке из второй главы Евангелия от Матфея; кроме того ученики показали, что Лободовский говорил им в классе, что гораздо было бы лучше, если бы и самое богослужение в церкви совершалось на малороссийском языке, тогда бы оно было понятно для народа»¹⁰.

Отметим, что данный документ не отвергает записанного в вышеупомянутом «Положении» разрешения разъяснять школьникам на родном языке непонятный для них материал. Но учитель Лободовский превысил полномочия и по собственному усмотрению учил детей украинской словесности и письменному литературному украинскому языку. Иначе говоря, он внушал своим ученикам, что украинский язык должен иметь более высокий статус, чем просто наречие для местного общения на бытовом уровне. К тому же он покушался на принятый официальной Православной церковью язык богослужения, предлагая заменить его на украинский.

Не ясно, были ли уже ранее в Киевском губернском Департаменте народных училищ сигналы о нарушениях, допускаемых Лободовским, случайно ли по наивности проговорились малолетние школьники при расспросах инспектора, чему учит их Лободовский, или же попались нерадивые ученики, недовольные лишней нагрузкой в училище, а потому пожаловались на учителя. Последнее предположение вполне вероятно, если предположить, что в письме из Министерства Народного просвещения были в точности повторены слова из отчета инспектора: учитель «заставлял учеников...».

Кроме Лободовского, в том же циркуляре из Министерства Народного просвещения упомянуты взятый под надзор полиции учитель из Телавского уездного училища (в Грузии), а также уволенный из-за «неблагонадежности» учитель воскресной школы из Иркутска. Таким образом, проступок Лободовского приравнивался к политическим преступлениям.

Интересен сам характер этого циркуляра. В конце его сообщалось, что он рассылается «на случай ходатайства означенных лиц о принятии их вновь на учебную службу по ведомству Московского учебного округа»¹¹. При этом слово «Московский» в названии округа было вписано отдельно – другим почерком и другими чернилами. Кроме того, на документе сделана пометка: «разослать по округу».

То есть, это был своего рода «волчий билет» для уволенных учителей. Сведения об учителях из разных частей империи, которым запрещена преподавательская работа,

присылались в Министерство Народного просвещения. Там составлялся оригинал циркуляра за подписью министра (в данном случае – графа Д.А. Толстого), который затем в копиях рассылался по всем учебным округам страны, а оттуда в низшие инстанции каждого округа.

Некоторое недоумение вызывает, правда, то, что между временем написания документа (11 января) и указания о дальнейшей рассылке циркуляра по губернским департаментам просвещения Московского учебного округа (11 марта) прошло три месяца. Судя по другим документам из фонда Московского учебного округа, распоряжения из Министерства рассылались по низшим инстанциям в течение недели. Можно предположить, что специально выжидалось некоторое время, чтобы к моменту возможного появления изгнанных учителей в других регионах страны и попыток их устроиться там на работу, данный циркуляр не успел бы затеряться среди других бумаг.

Естественно, что подобный циркуляр-запрет на работу имел по форме универсальный характер, при этом не учитывалась национальность учителя. Тем не менее, вполне вероятно, что учитель Лободовский был достаточно образован и хорошо знал русский язык для того, чтобы работать и в русской школе. Иначе говоря, Лободовский – хорошо образованный представитель украинской интеллигенции, видящий свою задачу в воспитании детей в национальных традициях таким образом, чтобы уберечь их от воздействия официальной политики русификации.

-
- ¹ Политическим и культурным аспектам национальной политики Российской империи посвящены многочисленные работы последних лет. См., например, серию сборников статей «Ab Imperio» (ежеквартальник, выходит в Казани с 2000 г.), также: Исторический путь литовской письменности. Сборник материалов конференции. Вильнюс: ИЛЯ. 2005 и др.
- ² Гончар О. Проблема русификации украинских земель во второй половине XIX в. в переписке Н. Костомарова и В. Барвинского // Исторический путь литовской письменности. – С. 326.
- ³ Министерство Народного просвещения Российской империи. Сборник постановлений. Т. 3. Царствование Александра II. 1855–1864. – СПб., 1865. – Стб. 1264.
- ⁴ Там же. – Стб. 1265
- ⁵ См. об этом, например, в переписке профессора Московского университета Н.А. Попова и вице-адмирала, журналиста и общественного деятеля А.В. Фрейганга. (Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки. – Фонд 20, Н.А. Попова. – Д. 41. – Л.л. 3 об.–7.
- ⁶ Министерство Народного просвещения Российской империи... – Стб. 266–267.
- ⁷ Центральный Исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). – Ф. 371. – Оп. 2 – Дд. 42, 163 и др.
- ⁸ Министерство Народного просвещения я Российской империи... – Стб. 1265–1266.
- ⁹ См.: Назарова Е.Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общественности Российской империи: XIX век // Исторический путь литовской письменности. 272–274.
- ¹⁰ ЦИАМ. – Ф. 459. – Оп. 2. – Д. 3684. – Л. 178–178 об.
- ¹¹ Там же. – Л. 178 об.